

неотъемлемою принадлежностію, огнемъ адскимъ пала его существо. И вотъ эту казнь беретъ отъ всѣхъ и принимается на Себя безгрѣшный Богочеловѣкъ. Темныя силы ада, гнѣздящіяся въ миллионѣхъ грѣшныхъ сердцахъ, устремляются на всесвятѣйшую любовь и борются съ Непобѣдимымъ. Въ мгновенье искупленія тяжесть всѣхъ вѣковъ лѣжала на Немъ, и люди искупленія, вѣрою привитые къ доброй маслинѣ, можетъ быть, больше заботили взоръ любви, обнимавшій всю полноту рода человѣческаго, чѣмъ сѣдѣяше въ странѣ и сѣни смертной.

Геосиманскія страданія отъ начала до конца остаются выраженіемъ святой и любящей души. Спаситель нашъ никогда не страдалъ за Себя, какъ страдаемъ мы, но всегда за другихъ и для другихъ. Ошибемся ли мы, если скажемъ, что и въ послѣднія минуты жизни Онъ остался тѣмъ же безконечно любящимъ насъ Существомъ, помнящимъ только о насъ и неспособнымъ страдать за Себя? Склоняясь подъ тяжестью креста, не Онъ ли потомъ будетъ утѣшать другихъ, плакавшихъ о Немъ по чувству состраданія? И въ саду Геосиманскомъ Онъ не о Себѣ плакалъ и молился, и не о Своей чашѣ просилъ у Отца. Избирая для Себя Крестъ, Иисусъ Христосъ вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ самымъ возлагалъ тяжелое бремя креста и на всѣхъ Своихъ послѣдователей: Его путь долженъ былъ стать общимъ путемъ жизни и спасенія для всѣхъ людей. Надлежало совершиться тому слову, которое казалось и теперь еще многимъ кажется такъ суровымъ и жестокимъ: «кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною» (Марк. 8, 34). Вотъ наступила рѣшительная минута, неизмѣримо важная по своимъ необятнымъ послѣдствіямъ для судьбы всего человѣческаго рода. Судьба послѣдняго зависѣла отъ того, возьметъ или не возьметъ Свой Крестъ Спаситель. Возьметъ—тотъ же Крестъ ляжетъ свою тяжесть и на Его послѣдователей, лучшихъ людей въ мірѣ, соль земли, свѣтъ міра... Но въ Немъ билось наше человѣческое, великое, благороднѣйшее сердце, полное безконечной любви къ намъ, состраданія, милосердія; могло-ли это сердце оставаться спокойнымъ, не смущаться судьбою тѣхъ, кому оно все было отдано давно? И окинулъ Христосъ умственнымъ взоромъ Своимъ, въ эту рѣшительную минуту, грядущее вѣка и тысячелѣтій, и умственнымъ взоромъ Его предстала грустная, сложная картина человѣческой исторіи, усѣянная сплосною и непрерывною массою маленькихъ, человѣческихъ крестовъ, на которыхъ отъ дней Иисуса донинѣ распинается все великое, святое, честное, правдивое, все лучшее на землѣ (Евр. 11, 38). И сердце Его содрогнулось за насъ. И вылился вопль изъ любящей души Его къ Отцу: „Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія“ (Мѣ. 26, 39). Иисусъ Христосъ не хотѣлъ быть причиною или поводомъ нашихъ страданій: Онъ пришелъ для нашего блага. Бывають мину ы и въ нашей грѣшной жизни, когда сердце не хочетъ слушаться разсудка, властно требуетъ своихъ благородныхъ правъ; когда и благородныя порывы его становятся слабостью въ великихъ

дѣлахъ... Такая минута наступила для Сына человѣческаго въ саду Геосиманскомъ—минута страшнаго страданія за другихъ, высочайшаго и благороднѣйшаго взрыва естественнаго человѣческаго чувства состраданія и милосердія.

Итакъ, вотъ что пережилъ Божественный Страдалецъ въ тѣ минуты, когда съ непостижимымъ для насъ безгрѣшнымъ ужасомъ Онъ предвкушалъ горечь чаши крестныхъ страданій. Это было таинственное бремя грѣховъ цѣлаго міра, взвалившееся на сердце Христа; это было вкушеніе Имъ, при божественной непорочности своей человѣческой жизни, горькой чаши, отравленной грѣхомъ; это было склоненіе божественной главы къ принятію удара изъ-за человѣческаго беззаконія, приведшаго къ страшной возможности такого преступленія; это была глгучая скорбь о тѣмъ человѣческомъ бытіи въ состояніи паденія и богоотступничества; это было сознаніе того, какъ могущественна и ужасна была сила зла въ Божьемъ мірѣ, когда оказалась нужда въ такой безконечной жертвѣ; это было сокрушительное чувство совершенной невинности, принужденной вынести лютойшую злобу, какую только можетъ измыслить ненависть человѣческая,—испытать на своей неповинной, безконечно любящей душѣ все, что есть омерзительнаго въ человѣческой неблагодарности, все, что есть ядовитѣйшаго въ человѣческомъ лицемеріи и что есть жесточайшаго въ человѣческой ярости; это былъ вопль святой и любящей души Спасителя нашего, повергающаго предъ очи правосудія и милосердія небеснаго ту нестерпимую горечь, какую видитъ въ чашѣ, переполненной до верха, и какую пьетъ капля за каплей, по опредѣленію предвѣчнаго совѣта Божія.

Еще въ тиши и уединеніи пустыни Иисусъ Христосъ готовился къ подвигу спасенія погибающаго рода человѣческаго. Настало время осудить его, и Онъ, „зная все, что съ Нимъ будетъ, вышелъ и сказалъ имъ (воинамъ и служителямъ отъ первосвященниковъ и фарисеевъ) кого ищете? Ему отвѣчали: Иисуса Назорея. Иисусъ говорить имъ: это Я“ (Іоан. 18, 5—6).

Было уже за полдень, и во святомъ городѣ солнце должно бы свѣтить палящими лучами. Но оно обратилось во тьму и скрылось отъ страшнаго зрѣлища на Голгоѣ: тамъ высился крестъ съ распятымъ на немъ Божественнымъ Страдалцемъ.

Священникъ *Николай Рубинъ*.

Священная исторія Нового Завета въ пасхальныхъ поученіяхъ.

Искушеніе І. Христа отъ діавола.

Немедленно послѣ крещенія Духъ Святой повелъ Иисуса Христа отъ Іордана въ пустыню, въ которой не было другихъ обитателей, кромѣ звѣрей (Мар. 1, 12, 13). Тамъ онъ пробылъ сорокъ дней и ночей, и въ эти дни и ночи

ничего не влѣ; наконецъ всталъ. Приступилъ къ Нему искушитель—сатана и сказалъ Ему: „если Ты Сынъ Божій, то вели камню сему сдѣлаться хлѣбомъ“. Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „написано, что не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“ (Втор. 8, 3). Потомъ сатана повелъ Его въ Иерусалимъ, поставилъ Его на крыльѣ храма и сказалъ Ему: „если Ты Сынъ Божій бросься отсюда внизъ, ибо написано: ангеломъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не пренешься о камень ногою Твоею“ (Псал. 90, 11, 12). Иисусъ сказалъ ему: „написано также: не искушай Господа Бога твоего“ (Втор. 6, 16). Повелъ сатана Иисуса Христа на весьма высокую гору и сказалъ Ему: „всѣ царства міра, которыя Ты видишь отсюда, принадлежать мнѣ, и если Ты падши поклонись мнѣ, я дамъ Тебѣ власть надъ всѣми семи царствами“. Тогда Иисусъ Христосъ сказалъ ему: „отойди отъ Меня, сатана: ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и ему одному служи“ (Втор. 6, 13). Окончивъ все искушеніе, диаволь отошелъ отъ Него до времени, и ангелы приступили и служили Ему (Матѣ. 4, 1—11; Лук. 4, 1—13).

Прежде, чѣмъ начать открытое служеніе людямъ, Господь претерпѣваетъ искушеніе отъ діавола, того злого духа, который искушилъ нашихъ прародителей въ раю, довелъ ихъ до преступленія и лишилъ райскаго блаженства. Прекрасно было жить въ раю первозданнымъ людямъ; чего имъ тамъ не доставало? Они не испытывали тамъ ни голода и холода, ни жажды и зноя; и что же ихъ побудило нарушить легкую заповѣдь, требовавшую пріятнаго повиновенія милосердому Богу? Излишнее любопытство—узнать вкусъ запрещеннаго плода, который на видъ былъ очень красивъ; желаніе большаго знанія, а главное, гордое стремленіе стать богами. И вотъ Господь во искупленіе ихъ необдуманныхъ преступныхъ дѣйствій, вмѣсто рая, идетъ въ дикую пустыню гдѣ, вмѣсто райскаго довольства, испытываетъ голодъ и отклоняетъ способъ утоленія сего голода, предложенный сатаной: чрезъ это научаетъ насъ, что искушителя—діавола и тогда не слѣдуетъ слушаться, когда онъ влечетъ насъ на грѣхъ подъ видомъ удовлетворенія естественной нашей потребности. Діаволь въ раю возбудилъ въ человѣкѣ гордое желаніе стать богомъ: въ пустынѣ сатана, не

понимая тайны воплощенія Сына Божія, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая, что онъ имѣетъ дѣло съ великимъ Божіимъ Посланникомъ, думаетъ получить отъ Господа чудесное доказательство того, что Онъ—Сынъ Божій. Господь не нашелъ нужнымъ доказывать сатанѣ Свое Божеское всемогущество и тѣмъ научаетъ насъ, чтобы мы, сохраняя въ себѣ образъ Божій доброю жизнію и твердою вѣрою, не предавались горделивому желанію показывать свое превосходство предъ другими, даже въ случаѣ удостоенія насъ вышнихъ благодатныхъ даровъ. Въ раю первые люди были полновластными распорядителями всего въ твари безпрекословно повиновались имъ; они наслаждались всѣми красотами рая, всѣми красотами созданныхъ видимыхъ міровъ, но грѣхъ непослушанія Богу и послушанія діаволу лишилъ ихъ владычества и наслажденія красотами міра. Въ пустынѣ сатана дерзко ищетъ отъ Господа поклоненія себѣ за обладаніе мнимыми царствами. Господь рѣшительно отогналъ отъ Себя сатану, приступившаго къ Нему съ такимъ дерзкимъ искушеніемъ, и этимъ научаетъ насъ всѣхъ, чтобы мы искали себѣ радости, наслажденія въ служеніи Господу Богу, а не сатанѣ; научаетъ насъ, что если Богъ надѣлилъ насъ благами міра, то мы не кому другому должны служить, какъ Ему единому, Его благодарить и славить чрезъ распредѣленіе данныхъ благъ нуждающимся нашимъ ближнимъ.

Вообще же важное событіе въ жизни Господа на землѣ во плоти,—искушеніе Его сатаной,—напоминаетъ намъ, что вся жизнь человѣческая есть искушеніе, и дары Святого Духа, сообщенные намъ въ таинствахъ крещенія и миропомазанія и сообщаемые въ другихъ таинствахъ не спасаютъ насъ отъ искушеній и паденій; а потому мы всю жизнь должны преодолевать искушенія, бороться съ ними, а послѣ паденія скорѣе вставать, чрезъ искреннее раскаяніе. Господь посрамилъ искушителя въ пустынѣ, и сатана до времени отошелъ отъ Него; но сатана неоднократно искушалъ Господа и послѣ, чрезъ своихъ клеветовъ,—злыхъ и невѣрующихъ людей, и наконецъ онъ вошелъ въ Иуду и заставилъ его сдѣлаться предателемъ Господа. Онъ не перестаетъ и не перестанетъ до окончанія вѣка искушать и соблазнять всѣхъ насъ. Но всегда нужно помнить, что діаволь не можетъ насильно вовлечь насъ во грѣхъ; а потому неосновательно и въ угоду самому діаволу нѣко-

торые христиане, совершивши проступки и даже злодѣянія, думаютъ оправдывать себя искушениемъ отъ діавола, когда говорятъ: врагъ смутилъ, врагъ искусилъ совершить преступленіе. Святый Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „діаволь сильно желаетъ, чтобы мы вину нашихъ грѣховъ слагали на него, дабы, питаясь этими надеждами и дѣлая всякаго рода грѣхи, увеличили мы свое наказаніе и не получили никакого извиненія отъ того, что на него слагаютъ вину, подобно тому, какъ не получила Ева*). Если мы будемъ всегда трезвы, благочестивы и богобоязненны, діаволь не вовлечетъ насъ въ злодѣяніе. Апостоль Петръ убѣждаетъ насъ: „Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противникъ вашъ діаволь ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить. Противостойте ему твердою вѣрою... Богъ же всякія благодати, призавшій насъ въ вѣчную славу Свою во Христа Іисуса, Самъ, по кратковременномъ страданіи вашемъ, да совершитъ васъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ, да содѣлаетъ непоколебимыми.

Ему слава и держава во вѣки вѣковъ Аминь (1 Петр. 5: 8—11).

III.

Современный социализмъ предъ судомъ слова Божія.

(Продолженіе).

Отъ этой общей характеристики социализма, какъ ученія материалистическаго, не согласнаго ни съ словомъ Божиимъ, ни съ здравымъ смысломъ человѣческимъ, перейдемъ къ болѣе частнымъ положеніямъ его. Социализмъ проповѣдуетъ якобы свободу, равенство, любовь, и братство между людьми. Но спрашивается, зачѣмъ же нужно было ученіе о братствѣ людей искать въ социализмѣ, когда Церковь устами Спасителя двѣ тысячи лѣтъ возвѣщала ученіе о братствѣ, говорила о незаконности эксплуатаціи богатыми бѣдныхъ, призвала всѣхъ къ заботѣ объ обездоленныхъ и страждущихъ? Свобода, равенство, любовь, братство—вѣдь всѣ эти величайшія блага челоѣчества только и стали извѣстны людямъ именно съ распространеніемъ на землѣ христіанской религіи, которая впервые распространила въ мірѣ призывъ къ людямъ: дать покой всѣмъ трудящимся и обремененнымъ, накормить голодныхъ, одѣть нагихъ, приютить странниковъ, посѣтить больныхъ и въ темницѣ сѣдящихъ, перевязать и облегчить нравственныя и физическія раны людей страждущихъ... «Духъ Господень на мнѣ, говоритъ Іисусъ Христосъ о себѣ словами пророка Ісаія: Ибо онъ помазалъ Меня, благовѣствовать нищимъ и послать Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ,

проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣбнымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ, проповѣдывать слово Господне пріятно (Луки IV, 17-21). И дѣйствительно, только исключительно подъ влияніемъ христіанства пало въ культуру ихъ народахъ братство и всѣ люди получили равенство, свободу и братство о Христѣ; исключительно съ распространеніемъ христіанскаго ученія усилились заботы о трудящихся и немощныхъ: развилась частная и общественная благотворительность и сильно растетъ сознаніе единства и равенства людей предъ Богомъ. „Ибо всѣ мы, пишетъ св. апостоль Павелъ, однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, Іудей или Еллины, рабы или свободные, и всѣ напоены однимъ Духомъ. Тѣло же не изъ одного члена, но изъ многихъ... Но Богъ расположилъ члены, каждый въ составѣ тѣла, какъ Ему угодно... внушивъ о менѣ совершенномъ большее попеченіе, дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ. И вы—тѣло Христово, а по-разному члены. Посему страдать ли одинъ членъ, страдовать съ нимъ и всѣ члены, славится ли одинъ, съ нимъ радуются всѣ члены (1 Кор. 12, 13, 18, 24—27). Только съ пришествіемъ на землю Христа Спасителя, самыя слова: „свобода, любовь, братство (заимствованныя социализмомъ изъ христіанства) безусловно съ тою пѣлюю, что прельщаютъ вѣрующихъ) получили свою священную силу, смыслъ и значеніе. Отъ Насадителя христіанской религіи—Спасителя міра и благовѣстниковъ Его святаго ученія, свят. апостоловъ, и соціалисты никогда не докажутъ, будто они первые несутъ челоѣчеству какое то свое новое евангеліе социализма съ проповѣдью о свободѣ, любви и братствѣ. Ихъ явно обличаетъ въ этомъ слѣво Божіе. Раскройте до-рогія страницы св. Евангелія, этой вѣчной жизни, и вы найдете множество самыхъ ясныхъ и положительныхъ свидѣтельствъ. Божественной заповѣди: „братство любите другъ друга“. Только Господь Іисусъ Христосъ, ли-принесшій голговскую жертву за грѣхи людей, и могъ дать эту заповѣдь: «какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга». «Потому и узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою.» (Іоан. 13, 34 и 35). Только въ христіанствѣ съ его ученіемъ о братствѣ всѣхъ людей, искуплен-ныхъ пречистою кровію Господа Іисуса Христа, и могутъ быть понятны и доступны людямъ истинны единства, равенства, свободы и братства людей о Христѣ. На чемъ же, спрашивается, социализмъ можетъ обосновать и распространять въ своихъ общинахъ всѣ эти понятія и убѣжденія? Гдѣ найдетъ онъ для нихъ незыблемую опору? На какихъ нравственныхъ началахъ и побужденіяхъ можетъ онъ оправдать свой призывъ къ людямъ о свободѣ, любви и братствѣ, если отвергаетъ вѣру въ Бога и міръ духовный, отвергаетъ душу челоѣческую и ея безсмертіе и ограничиваетъ всею землею и земнымъ благополучіемъ? Материалистическое пониманіе исторіи, по справедливому замѣчанію С. Н. Булгакова, ни какъ не можетъ оправдать требованій братства, свободы, равенства и любви во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми. Если челоѣкъ есть звѣрь только, то для него законою является одна лишь ді-

* 2я бес. Злат. о діаволѣ.